

ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО И ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО ВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Гарник Т.М., доцент

Черкасский государственный технологический университет

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме исследования семантики историко-культурных зон, доминантной и системообразующей роли в них архитектурного потенциала и образовании определенных смысловых полей, благодаря использованию научного, просветительского и туристического потенциала.

Ключевые слова: семантика, архитектурный потенциал, историко-культурные зоны.
Анотація. Гарник Т.М. Спільність і різниця літературного та історико-архітектурного тимчасового простору. Дана стаття присвячена проблемі дослідження семантики історико-культурних зон, домінуючої і системоутворюючої ролі архітектурного потенціалу в них та утворенні певних смислових полів, завдяки використанню наукового, просвітницького та туристичного потенціалу.

Ключові слова: семантика, архітектурний потенціал, історико-культурні зони.

Annotation. Garnik T.M. *Generality and distinction of literary and history-architectural time space.* This article is devoted to the problem of research of semantics space, a dominant and as factor making a system in them architectural potential and formation of the certain semantic fields, due to the use of scientific, elucidative and tourist potential.

Keywords: semantics, architectural potential of historical and cultural areas.

Актуальность темы исследования. Архитектурный памятник, при условии активизации культурных процессов (например, развития туризма), может являть смысловое ядро и демонстрировать системообразующее начало. В этом случае архитектурный объект функционирует как особенный информационный источник, который преобразует пространство вокруг себя, создавая энергетическое поле. В рамках исследовательской работы, архитектурный памятник, представленный в виде доминантного и системообразующего ядра, было принято обозначить как архитектурный потенциал (далее – АП). Поскольку среда, в которой доминирует архитектурный памятник, получает определенный культурно-энергетический потенциал развития, то такой комплексно интегрированный объект, выявленный материально и семантически, получает общее концептуальное очертание в виде ИКЗ (далее – ИКЗ).

Изученность проблемы. Идеи М. Пиксанова, И. Гревса, Н. Анциферова, В. Богданова (1928), относительно локального культурного ландшафта с доминирующей семантической составляющей, оказали огромное влияние не только на формирование литературного произведения, но и на решение проблем смысловых отношений между предметами в культурном пространстве в целом. Применение семиотического анализа в исследовании литературных произведений использовалось Ю. Лотманом, Е. Мелетинским и другими учеными. Семантика традиционной культуры исследована А. Байбуриным [1]. Семантику архитектурного пространства исследовали Р. Арнхейм, Ч. Дженкс, Р. Вентури, Д. Линч, А. Раппапорт. Восприятие среды как целостного организма, с осмыслением ее в чувственно данных компонентах прослеживается в ряде работ В. Глазычева.

Автор указывает на то, что характер деятельности человека влияет на семантику объектов (объекта) культурного наследия, более того, она усложняется окружением и элементами потоков событий и ситуаций [2]. Именно этот факт позволяет формировать образ в сложном культурном пространстве, и это происходит физически, социально или благодаря соответствующим установившимся традициям.

О подвижности пространственных смыслов пишет этнограф В. Тишков в работе «Культурный смысл пространства». В частности он утверждает, что смыслы «...воспроизводят архитектуру и более широко – они воспроизводят человеческую пространственную среду». Пространственные смыслы гораздо более подвижны, чем «жесткая» ткань пространства [3, с. 14-21]. В. Тишков напоминает о сложности культурного пространства, о его субстанциональной сути (пространстве, времени, содержании, коммуникационности).

Цель работы. Обращение к теме семантики ИКЗ, дает возможность приблизиться к пониманию сущности не только материальной и ментальной составляющей АП, но и как информационного источника, от которого зависит содержание функционального наполнения этого пространства.

Изложение основного материала. На уровне поведения человека и в пределах такой категории как геопространство происходит формирование содержания. Поэтому образность в культурном пространстве (как его основа, отпечаток культуры), формируется под воздействием словесно-логического и наглядно-образного сенсорного (ощущения, восприятия) или квазисенсорного (образов воображения и памяти) мышления, а также, и это главное, – на основе биодинамической ткани движения человека.

Исходя из диалектики таких основных понятий, как:

объект → явление, феномен

знак → символ, образ

текст → знаковая композиция, сообщение

просматриваются материальное и ментальное «начала». Это – ничто иное, как «ядра» и «поля значений», которые на лингвистическом уровне продемонстрировал философ культуролог Г. Померанц, используя семантический подход в их определении. В приведенных ученым словах «бог», «культура», «религия», ядра сложно определить, а поля значений, в данном случае, – являют бесконечность [4].

Нет сомнений что, система ИКЗ тоже имеет в своем составе ядра и поля значений. Ядрами в ней выступают доминантные историко-архитектурные объекты, которые мы определяем без контекста, а вот пространственная среда,

концепта действия, т.е. особенную символическую культуру общества и определяет иной, функционально-семантический подход, который позволяет рассматривать ИКЗ под углом общих закономерностей развития его как когнитивной системы.

В архитектурно-пространственной среде, кроме образа интерпретации, существуют: образ ориентации (определяет ориентацию человека в пространстве), образ опознавания (формируется по определению функциональных признаков), образ интуиции (складывается на основе несознательного мышления) [7]. Таким образом, они вместе усложняют семантическую составляющую ИКЗ, получая пирог социальных значений и субъективного содержания. Именно о присутствии социокультурного аспекта в культурном ландшафте пишет социолог А. Бибков в статье «Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки». «Нас, - пишет автор, - интересует не только физическое пространство» (объективное), но и «...конструируемая человеком пространственная среда (built environment) – своего рода физическое и ментальное выражение организации пространства человеком» [8, с. 63].

Эта среда носит антропогенный характер и, как пишет С.В. Калесник [9, с. 91-96.], не способна к саморазвитию и может только разрушаться (в отличие от естественной, которая, напротив, имеет способность к саморазвитию), но, безусловно, способна к прирастанию/вростанию иных ИКЗ в контекст доминирующей. Именно адаптивная способность АП позволяет развиваться культурным территориям, а не напротив. Такую способность АП получает в тот момент, когда оказывается в активной части общественной структуры в целом. Именно она «требует» от них актуального эмоционального содержания, где АП, в качестве системообразующего фактора, может выступать ключевым компонентом в рекреационно-туристической отрасли.

Говоря в целом о семантике города, то понять ее может только путешественник, приезжий человек со специальной оптикой мышления, которую позже, он фиксирует как идею – в романах, стихах, на картах и в живописи. Сами горожане, да и в большинстве случаев приезжие, остаются без понимания ее из-за отсутствия функции передачи. В связи с этим происходит «отпачковывание» традиционно ценностного и целостного монолита архитектурного наследия. Оно, в свое время, потеряло прежнюю функцию, а ныне «освобождается» из своего культурного ядра и, по выражению Н. Заковоротной, становится «подозрительным символическим порядком», в котором «...нет ничего выдающегося, особенно привычного и близкого, ничего, что возможно отметить для себя или чем-либо увлечься, ничего открытого для памяти и сердца...» [10, с. 239].

Известно, что каждое место пространства является, прежде всего, географическим объектом. Он воспринимается и интерпретируется некой сложной, предположим мифологической структурой. Новое научное направление, как мифогеография (Д. Замятин [11]), позволяет изучить множественность реальностей места, каждый из которых имеет свой контекст.

Этот набор признаков, в основном, сводится к иллюстрации доминанты (как смысловой целостности) и рассмотрении этого «места» в системе других «мест».

Ярким примером может служить такой объект наследия, как Собор Парижской Богоматери, воспринимаемый французским обществом как национальное достояние. В 1854 г. Ж. де Нервалем было написано стихотворение, в котором он осмысливает величие Собора, как свидетеля истории Франции для последующих поколений:

Старинный Нотр-Дам, увидит он паденье
Парижа, как его он видел зарожденье.
Немало тысяч лет он простоит, пока
Течение времени, как волк, рыча от злости,
Порвет железный нерв, переломает кости
И каменный каркас перегрызут века.
Но даже и тогда он дорог будет многим:
Мечтатели придут к руинам этим строгим,
Роман перечитав, что сотворил Виктор...
Поверят все, что им в руинах базилики
Открылся древний храм – могучий и великий,
Как призрак в небеса вознесшийся собор [12, с.74].

Литературовед и философ М. Бахтин писал, что замыкать произведение литературы в дифференцированном единстве культуры эпохи его создания нельзя, так как «...в каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались нераскрытыми, неосознанными и неиспользованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры». В связи с этим, философ допускает «...освещение текста не другими текстами (контекстами), а вне текстовой вещной (овеществленной) действительностью... Вещи чреватые словом. <...>. Задача заключается в том, чтобы вещную среду заставить заговорить...» [13, с. 333, 365-367].

Поскольку архитектура «закрепляет» время в пространстве, то известно, что само время не сохраняет (или меняет) подвижную часть ткани пространства, отчего и происходит ослабление семантики «жесткой» ее части. Эта ткань/текст, попадая в иной, современный контекст, начинает насыщаться новым содержанием, оказывается подчинении.

Именно по этой причине, историко-архитектурное наследие необходимо «вводить» в современное информационное пространство, используя так называемые «внетекстовые» элементы, которые обогатят семантику ИКЗ и дополнят его морфологический каркас. К «внетекстовым вещам» можно отнести: условные (конвенциональные) и вербальные знаки (памятные места, отмеченные памятным знаком, музеи, монументы, легенды, мифы и т.п.). Они обогащают интерпретацию историко-архитектурного пространства, более того, активизируют пространство, развертывая механизмы просвещения, науки и туризма, что еще раз доказывает социокультурную сущность ИКЗ и когнитивный характер его развития.

Следовательно, создание повествовательного «текста» в ИКЗ, как смыслообразующего и смыслораскрывающего, потребует определения наглядно-информационных параметров АП в их историко-территориальном контексте. К сожалению, определение может быть только приблизительным. Но установление морфологического каркаса, как физического историко-архитектурного образа, стойкого во времени и пространстве [14, с. 84-90], весьма возможно.

Б. Дмитриевич, в статье «Возникновение и использование образов. (Как образы появляются? Кто образы использует?)» приводит примеры трех уровней значения места, которые были определены теоретиком искусства Р. Бартом: информационный (коммуникации, информации); символический (где символ выступает как клише времени); интерпретационный.

Приведем примеры символического и интерпретационного уровней (опуская информационный, как более известный), обратившись к литературным источникам. Всем известны два образа Петербурга, которые были описаны в поэме А. Пушкина «Медный всадник». Для первого была взята контекстная роль архитектурного наследия – как олицетворение государственного величия. Для второго – символическая (доминирующая) роль монумента – как олицетворение трагической случайности. Пушкин вынужден был покоряться правилам петербургской жизни но, обладая тонкой художественной натурой, все же воспринимает город – наследие Петра I и его славу как патриот.

Доказательством такого отношения к городу, служат дневниковые записи (1853-1854 г.) П. Васильчикова, сделанные им в связи с пребыванием И. Тургенева в революционном Париже. Тургенев рассказывал о времени и событиях 1812 г., в частности о захвате Москвы французами и о мерах тайной комиссии относительно ценностей Петербурга. Особенно волнующим в повествовании писателя было то место, где он рассказывал о переживании горожан в связи со спасением в первую очередь памятника Петру Великому. Тургенев рассказывает о сне некоего капитана Булгакова, ставшего известным даже комиссии. Булгакову приснилось, что памятник останется невредимым, как и сам город. О сне узнает князь А. Голицын, который передает смысл сна государю и М. Виельгорскому, другу А. Пушкина. На Пушкина этот рассказ производит неизгладимое впечатление. Из-под его пера выходит знаменитая поэма [15, с. 28].

Иное, уже интерпретационное содержание получает Петербург в произведениях М. Гоголя. Городской пейзаж в его романах предстает однообразным и серым, закутаным в знаменитый петербургский туман – символ неопределенности и таинственности [16, с. 117].

Как видим, эти примеры красочно свидетельствуют о тех факторах, элементы которых влияют на формирование целостного архитектурного образа города. «Освоение» его человеком проходит на высоком уровне восприятия, к которому присоединен как личный, так и социальный опыт, познание на сенсорном и первичном уровне чувств [17, с. 62]. Благодаря определению образа

места, мы можем устанавливать морфологию смыслового поля ИКЗ. Такая необходимость формирования семантики пространства особенно заметна в связи с последними тенденциями к глобализации. Образ места, особенно целого города, способствует определению векторных туристических маршрутов. Например, семантика информационного поля Каира – «город-рынок», Лас-Вегаса – «город-развлечение». Города, сохранившие и по сей день символический уровень: Милан – «город-опера», Санкт-Петербург – «город-представительство», Москва – «град первопрестольный», Киев – «мать городов русских». Об другом образе Киева, интерпретационном, который он получил во времена царствования Ектерины II и Александра I, рассказывает Б. Ерофалов-Пилицак в книге «Архитектура имперского Киева» [18, с. 13-16]. Если слава Киева как «матери городов русских», пишет автор, начиналась с народного слоя, который сконцентрировался и «взорвался на подоле», то иной, трактованный как имперский и получивший статус провинции, он получает благодаря автономии правления и оригинальности застройки.

Важность существования образа города, возможно сложенного из нескольких соответственно, отмечает А. Иконников в книге «Искусство, среда, время». В частности он подчеркивает, что неопределенность образа города склоняет городского человека к равнодушному восприятию «предметности» и, в общем, к утрате активного отношения к нему [19, с. 55-56].

Ярким примером, созданной путешественниками константной семантической модели (образа) города, «прочтении» его одинаково всеми на протяжении многих лет, может служить Рим. По словам Н. Гоголя (поселился в Риме в 1837 г.), этот «вечный город» «прочитывался» им как эпопея – спокойно, с размахом и с «длительным наслаждением». А когда в Рим приезжали В. Жуковский, М. Погодин и другие, Н. Гоголь водил их по городу, играя роль наставника и, как он пишет, заново открывал и переживал все, казалось знакомое и пережитое [16, с. 193, 196].

В книге «К музыке», в рассказе И. Андроникова «Римская опера» описываются те же поведение и эмоции, но уже других путешественников, из другой эпохи. Советскими писателями А. Сурковым, Д. Граниным, Э. Козакевичем в посещаемых ими городах Италии, архитектура и искусство читались также «неспешно». «Все, что ты знал про Италию, - пишет И. Андроников, - оживало и «становилось на свое место» [20, с. 282-283]. Такое одинаковое восприятие города как большой книги, очень точно подтверждает мысль В. Руднева о том, что «...реальность – это текст, написанный Богом, а текст – эта реальность созданная человеком» [21, с. 327].

Возвращаясь к М. Бахтину, к сути обозначенной им «опредмеченной действительности» и задаче «заставить заговорить» предметную среду, мы можем представить ее прежде всего такой, которая находится в процессе накопления знаков, которые легко синтагматизируются в повествовательный текст. В этом случае АП предстает таким, что вызывают ряд функциональных

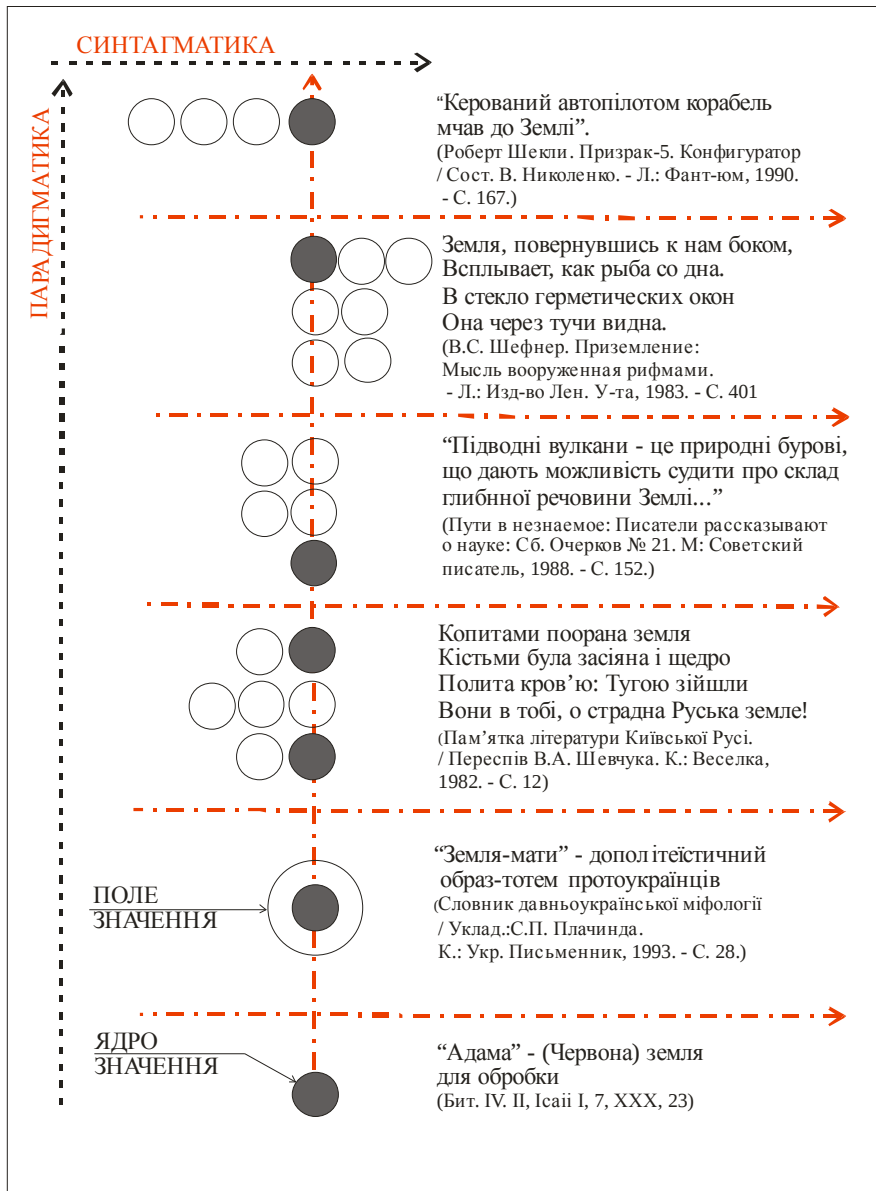

Рис. 1. Сосуществование языковой формы и языковой материи в литературном пространстве

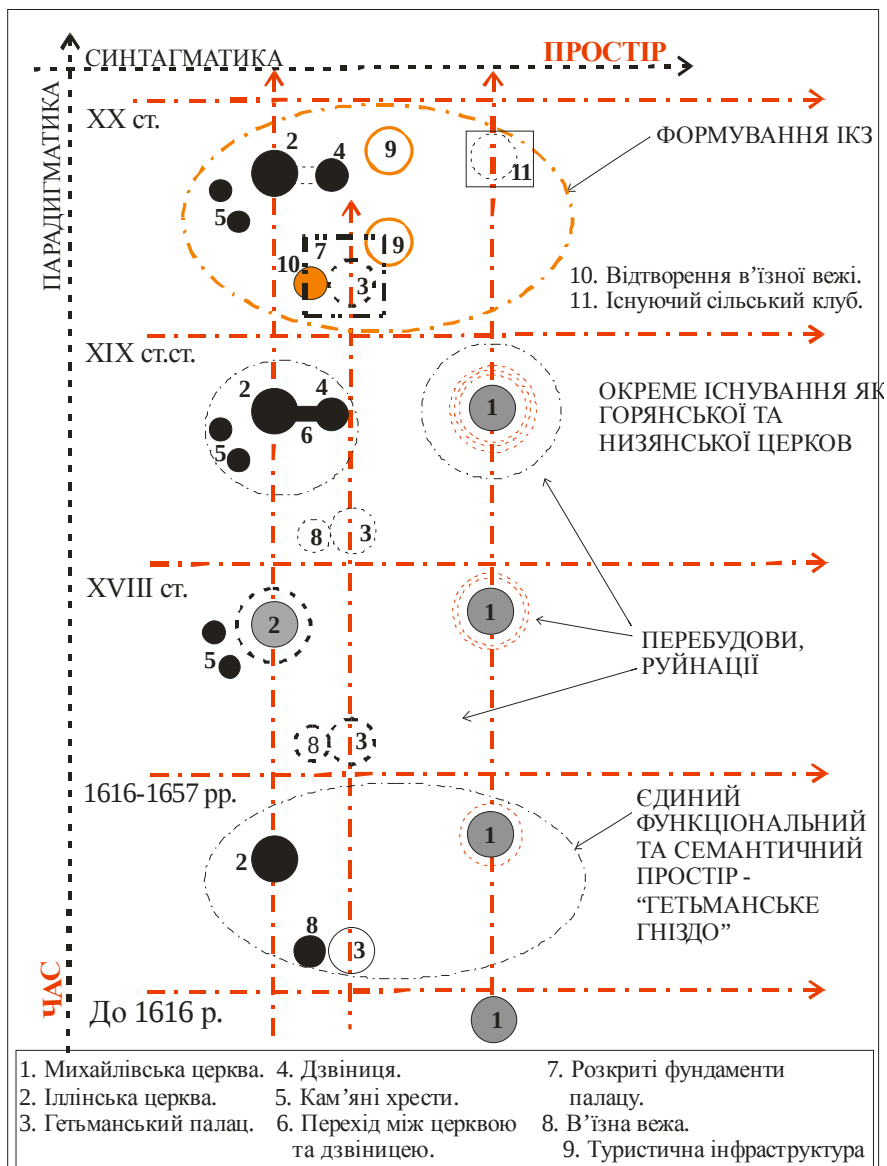

Рис. 2. Особенности изменения семиотической реальности АП в историко-архитектурном пространстве ИКЗ с. Субботова

отношений, которые завязываются в контексте ИКЗ. Поскольку объекты ИКЗ несут в себе признаки, актуальные для общества, то из этого следует, что они могут взаимодействовать друг с другом «физически, социально или иным конвенциональным способом» [22].

Известно, что языковая материя, как и пространство с АП, существует благодаря двум механизмам парадигматике и синтагматике. Благодаря им, развитие языковой материи мы можем представить в виде двух независимых векторов – вертикального и горизонтального. Апплицируя векторы на фиксированное во времени пространство с АП, определяется вертикальный ряд абсолютно разных семантических пространств. Ядра (архитектура) в них константны по своей изначальной сути, но непостоянны по форме. Материя вокруг них подвижна и находится в процессе накопления/приращения (или утраты) условных знаков (народного творчества, ремесел, исторических промыслов, мемориальных мест и т.п.), функций приспособления и использования. При этом, надо заметить, что все это легко синтагматизируется в пространстве с архитектурой в повествовательный текст, не нарушая, тем самым, постулат о сохранении и сбережении «материи» АП в целом, равно как и языковой (рис. 1, 2).

Вывод. Было выявлено, что временной фактор изменяет семантику ИКЗ, не только ментальную составляющую АП, но и практически материальную.

Последующие исследования планируется проводить по пути дальнейшего изучения проблем, связанных с особенностями формирования и развития ИКЗ.

Литература:

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983. – 191 с.
2. Глазых В.Л. Глубинная Россия: 2000 – 2002. – М.: Новое издательство. 2-е изд., испр., 2005. – 328 с.
3. Тишков В.А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение, 2004. – №1 – С. 14-21.
4. Померанц Г.С. Выход из транса. – М.: Юрист, 1995. – 575 с.
5. Каганский В.Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность, 1997. – №1. – С. 134-146, №2. – С. 160-169.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Академ. Проект, 2005. – 992 с., ил., пер.
7. Янковская Ю. Семиотические механизмы социально-психологической обусловленности архитектурного проектирования // Архитектон. – Режим доступа: http://archvus.ru/magazine/Numbers/2004_01/template_article.
8. Бибков Александр. Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки // Отечественные записки, 2002. – № 6 (7). – С. 63.
9. Калесник С.В. Проблемы географической среды – // Вестник ЛГУ, 1968. – № 12. – С. 91-96.
10. Заковоротная Н.В. Информационные технологии: индивидуализм и тотальность // Человек и город. – М., 2000. – С. 234-241.
11. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. – СПб., Алтейя, 2003. – 331 с.

12. Париж изменчивый и вечный: Сб. Приведений / Сост. и автор вступ. и заключ. статей Балахонов В.Е.; сост. и авт. комментариев Полторацкая Н.И. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 632 с.
13. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 353 с. – С. 333, 365-367.
14. Гачев Г.Д. Вещают вещи, мыслят образы. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.
15. Тургенев в воспоминаниях современников. / Сост., вступление ст. и комм. к разделу «Воспоминания» В.Г. Фринлянд; Сост., пер. писем, вступление. Ст. и комм. к разд. «Переписка Н.П. Генераловой». – М.: Правда, 1988. – 560 с., ил.
16. Манн Ю.В. Николай Гоголь. Жизнь и творчество. – М.: Русский язык, 1988. – 288 с.
17. Кравец В.И. Колористическое формообразование в архитектуре. – Харьков: Высшая школа, 1987. – 131 с., ил.
18. Ерофалов-Пилипчак Б. Архитектура имперского Киева / Издание 2-е исправленное и дополненное. – К.: А.С.С; НИИТИАГ, 2001. – 192 с., 55 илл.
19. Иконников А.В. Искусство, среда, время. – М., 1985. – 327 с.: ил.
20. Андроников. И.Л. К музыке. – К.: Муз. Украина, 1985. 1985. – 295 с., л. портр. (Библ. Сер.)
21. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
22. Miller G., Johnson-Laird P. Language and Perception Cambridge. – Mass.: Harvard University Press. – 1976.